

Александр Владыкин
Колыбельная для джинна

16+

Александр Владыкин
Колыбельная для джинна

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Владыкин А. Е.

Колыбельная для джинна / А. Е. Владыкин — «ЛитРес:
Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1915-4

Это не на Земле, но где-то рядом. Дикий мир, похожий на сказку. Он похож и не похож на мир людей, скорее «нет», чем «да». Эта история жизни наших соседей, про которых мы кое-что слышали, кое-где видели и немного знаем из их жизни. Никаких секретов, двери в их мир всегда открыты для вас. Добро пожаловать!

ISBN 978-5-5321-1915-4

© Владыкин А. Е., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Александр Владыкин.

Колыбельная для джинна

Глава 1

Планета Эор находится в мирах Зуна, на расстоянии шести звёзд от центра галактики. Нас с женой, после обследования, переселили на эту окраину. Учёные убедили, что это – идеальное место для нашего существования, они воспользовались нашим положением: никто не знает, вследствие какой аварии, мы потеряли память. Нас нашли в горах, потом нашли наши документы. Учёные говорили, что нас уже привезли овощами, и ни в одной картотек мы не числились. Даже по внешнему виду, мы были похожи на древних жителей планеты Эор. Нам это ни о чём не говорило. Учёные прощупали наш мозг, мы для них были – чистая книга. Целый год они обследовали нас, одновременно пропуская через наши мозги, нейтральные, обучающие программы. Мозг, как губка, впитывал весь материал, до тех пор, пока специальная комиссия не посчитала объём информации, вложенный в нас, достаточным, для поселения на ядовитую планету. Когда-то Эор был центром химической и горнодобывающей промышленности. Учёные тщательно разрабатывали каждый проект, перед тем, как его внедрить. Так было веками, внутренние ресурсы планеты подходили к концу, если и шли разработки, то на обеднённых участках. К Эору было приковано меньше внимания, уменьшилась добыча, и специалисты разбежались по всей галактике. На всю планету, осталось с десятков горнообогатительных комбинатов и пара литейных заводов. Инфраструктура в заброшенных городах перестала функционировать. Первыми изменения почувствовали домашние животные и птицы, они занервничали и заматались в своих клетках. Потом немногочисленные оставшиеся жители преклонного возраста почувствовали удушье и странное головокружение, как после отравления алкоголем. Видеорегистраторы зафиксировали, как падали жители на улицах. За ночь погибла вся планета. Учёные так и не смогли объяснить, как, в течении короткого промежутка времени нейтральная гелиево-азотная атмосфера превратилось в кислород– азотную с большим содержанием озона. Это был сильнейший яд для всех жителей миров Зуны. Да и вселенная не была готова к таким событиям. Ажиотаж прошёл и все махнули рукой на Эор. На его освоение не было средств, и лишь через 300 лет (12 звёздных циклов) Эор признали самобытной заповедной зоной, не снимая символа опасности на его посещения. Первыми на планету начали поставлять экзотических животных, находя в космосе, среди кислород дышащих. Это была первая ошибка учёных. Планеты были разные, и они притащили сюда такой ужас, что о мирном зоологическом саде можно было только мечтать. К этому добавились природные мутации. В многочисленных лабиринтах и пещерах жили различные виды змей, и других рептилий, которым ещё наука не придумала названий, одних обезьян было более 250 видов, саблезубые тигры, гигантские ленивцы, слоны с крыльями, бронированные моллюски. Короче говоря, создали такую взрывоопасную смесь из животного мира многих планет и времён. Сюда же – к животным отнесли и диких первых разумных существ. Те, согласно принципу своих планет, начали борьбу за выживание, уничтожая животных и ведя не пристанные войны с иноплеменниками, и между собой. И это место учёные называли идеальным, для нашего существования.

Я не знаю, с какой целью нас поселили в этот мир. Сначала, раз в год, прилетали роботы, привозили всё необходимое для проживания, защитные средства от различных блох, клопов, тарантулов. Потом на корабли роботов было совершено нападение: какие-то бактерии съели весь металл корабля, а роботов местные дикари переплавили на наконечники для стрел. Потом, просто, сбрасывали груз на парашютах, кое-что и нам доставалось. Последние 20 лет никто не прилетал. Нас бросили, посчитали, что мы не выжили в этом мире. Никто из разумных существ

не выживал здесь более 30 лет. За годы природной ассимиляции, среди первоначального многообразия животного и растительного мира, выжили самые отвратительные и злобные существа. В основном расселены они были на равнинах, но и в горах хватало всякой нечисти. Меня всегда возмущало эта бесцеремонность учёных, граничащая с элементарной глупостью: скажите, зачем было тащить за тысячи солнечных циклов этих клещей, клопов, пауков, различных сколопендр, тарантулов и змей, они и на прежних землях чувствовали себя вполне защищёнными и не давали покоя окружающим. Этой заразы в наших горах хватало. Моя жена – Лия, благодаря введённым данным, разбиралась во флоре, и из мира растений выбирала лекарственные, она была ходячая аптека. Иногда я ей помогал ловить и доить змей, она изготавливала противоядия. Пищи вокруг было валом, мы тоже были пищей – на рыбалке нас бесовестно ели комары, гнус и мошка, нужно было смотреть постоянно по сторонам, к реке спускаются и хищники покрупнее. Змеи нас уже знали, расплзались мгновенно при нашем появлении. Лия изобретала отвар против кусающейся мелочи, но безрезультатно, и мы всегда возвращались в свою пещеру, довольные уловом и обескровленные. Рыбы нам хватало на пару недель, я умел её сушить и коптить. Мясом нас, иногда, снабжал охотник, эта семья была нашими соседями. У охотника была жена и пятеро детей – они почему-то не жили с дикими людьми, и больше тянулись к нам. По роду своих увлечений, Лие, приходилось бывать в их пещерах чаще, чем мне. Вся семья ужасно страдала от педикулёза и всевозможной мерзости, водившейся на грязном неухоженном теле. Лия приучила их к гигиене, маленькое племя, как инопланетяне, ходили лысыми, пугая пролетающих обезьян. Племя крылатых обезьян жило выше нас, это был бич всей планеты, когда начинался гон, они уничтожали всё на своём пути, от них невозможно было спрятаться. Летучих обезьян боялись и ненавидели все, а они боялись нас с охотником, мы не прятались, что только, огораживались бамбуковыми решётками, которые плела жена охотника, и со снайперской точностью, отпугивали стрелами, отстреливая вожаков стаи. Обезьяны помнили это и старались держаться подальше от наших пещер. Поначалу они смеялись над лысым народом, обкидывая их гнилыми фруктами и камнями, но охотник заставил их уважать себя, при виде лысого обезьян, как ветром сдувало. Обезьяны уважали силу и нас не трогали, что не скажешь о диких людях, они нас достали своими пакостями, и только чистой случайностью можно назвать то, что мы не попали к ним на обед, в качестве пищи. Дикари маскировали ямы с кольями, устанавливая их на наших тропах, ставили самострелы и камнедробилки, всевозможные петли и удавки. Охотник с детьми, каждое утро обходил территорию, отмечая все проделки диких. Ближе они к нам боялись подбираться, из-за наших луков и близости племени крылатых обезьян. Обезьяны раздирали их живьём. Меня поражала настырность этих диких: вокруг столько дичи, а им было не интересно, рискуя своими жизнями, они продолжали устраивать пакости своим соседям, которые их совершенно не трогали. И если обезьяны наносили урон племени, их колдун обвинял в этом нас, и старался ещё больше разозлить безмозглых. И откуда, только, их учёные выкопали? Когда шёл гон, племя, как вымирало, уходило вглубь пещер, подальше от этой обезьяньей саранчи. Охотник изредка снабжал нас мясом, он считал, что это мы способствуем удачной охоте. Лие удалось излечить его семью от испанцев. Испанцами называли всю эту нечисть, гнездившуюся в волосяном покрове разумных, это благодаря информации учёных: они на краю звёздного неба, нашли самый нечистоплотный народ, и прямо, в одном учебном заведении, сняли все лучшие экземпляры кровососущих, с тела учащихся. Ну и зачем эти испанцы нужны в нашем мире? Оставили бы их там – в Испании, они уже привычны к этой грязи, а нам забота, чтобы самим в испанцев не превратиться. Дикае люди спасались пеплом и золой, ходили разукрашенными, но не чесались. Лия придумала какой-то отвар, эффект был поразительный. Семья охотника боготворила мою жену. Самого охотника звали Горд, его жену – Сига, с мелкими я не общался, их больше моя жена знала. У Горда было домашнее животное – силург, это была особенная ядовитая ящерица, охотник её притащил из тех мест, откуда был сам родом. У силурга был маленький хвост, но

большой и красивый гребень. Гребень менял свой цвет – от нежно розового, до фиолетового. Горн называл его Павлином. Силурги были всеядны, прятались, зарываясь в песок, и кусали и впрыскивали яд, только в момент обороны. Силург был необходим для охотника, как индикатор. Вокруг было много дичи и растений, которая не всегда была съедобна. Охотник скармливал её питомцу, и по цвету гребня определял, что из добытого тащить в очаг. Чем темнее был цвет гребня, тем токсичнее была пища. Горд считал силурга разумным существом, он с ним разговаривал, и ящерица его понимала. Я даже не знаю, как он смог приручить своего Павлина? Лия потом мне рассказала немного историю появления семейства охотника в наших местах, со слов Сиги. Силурга он нашёл совсем маленьким, выкормил кровью дичи, с пальца, до появления ядовитых зубов. С тех пор и ходят на охоту парой – Горд и Павлин, как неразлучные друзья. Охотник говорил, что Павлин не раз выручал его из беды. Крылатые обезьяны боялись приближаться к охотнику, ещё из-за его друга, ящерица грудью вставала против любой угрозы в сторону Горда. Павлин первым находил и разоблачал ловушки дикарей. Иногда он выходил поохотиться на земле копателей, зарывался в песок и ждал, ждал наступления ночи, когда дикари приходят проверять ловушки. Потом на тропинке остаются следы ночных битв, трупы дикарей растаскивали животные. Летучие обезьяны никогда не покидали свои убежища в ночное время, в этот час появлялись такие страшилища, что лучше бы их не видеть никогда. Правда, Павлин никого не боялся, он мог охотиться в любое время суток. Наша пещера была маленькая и уютная, стараниями Лии здесь всегда поддерживалась чистота и порядок, мы по вечерам любили сидеть у камина, выложенного охотником, по всей пещере сушились лекарственные травы, создавая свой неподражаемый аптечный аромат, под треск сухих сгорающих дров, хорошо думалось. Лия, моментом, погружалась в полудрёму, сидя на своём любимом кресле-качалке. Тишь и благодать. Иногда, из-под земли, появлялся Павлин, ему тоже нравилось погреться у пламени камина. Он признал в нас друзей, и поэтому, частенько посещал нашу пещеру, давая знать, что он исправно ведёт службу и наше жильё входит в комплекс охраняемых объектов. Иногда он подходил к Лии, требуя особой женской заботы, протягивая то одну лапу, то другую. Он любил, когда женщина ласкала его, перебирая жёсткие чешуйки и поглаживала живот, в моменты блаженства, его гребень менял цвет, мигая, как сигнализация. Моя память, вложенная в мой мозг учёными, ещё хранила информацию о цивилизованном мире. Скучно? Нет, нам некогда было скучать. Сам мир не давал повода для хандры, каждый новый начинающийся день готовил свои сюрпризы: можно было переступив порог жилья наткнуться на гигантскую сколопендру, а ночью нежная холодная рука жены, может превратиться в тело удава, веселья, хоть отбавляй. Каждое утро начиналось с осмотра жилья, жена перестлала постель, это было вместо зарядки, заодно тренировало память и зрение. Иногда находки казались такими не мыслимыми: к яйцам змей и ящериц мы привыкли, но как мог забрести к нам летающий слонёнок, если двери в пещеру были закрыты, не через камин же ему удалось влезть? Один раз Лия нашла гогру – из стаи саблезубых собак, они обычно паслись возле диких людей, питаясь отходами племенной добычи. Гогру, с трудом, удалось выманить из-под кровати, собакам очень нравилось копчёное мясо, я знал, что они не поддаются дрессировке, слишком независимые и свободолюбивые. Охотник их, вообще, называл хитрыми и подлыми. Гогры не лаяли и не скулили, всю свою охоту планировали молча, полагаясь на опыт вожака стаи. Животное выманенное из пещеры вело себя не агрессивно, не нападало и не скалило зубы, оно даже дало себя погладить, и попросило добавки. Видимо собака была голодна, она по запаху сориентировалась и нашла наш источник воды, легла перед порогом, и лежала до прихода Сиги. Жена охотника сразу определила, собака была беременна, но что её привело в наш дом, осталось загадкой. Она вела себя вполне миролюбиво, только рычала, при появлении Павлина. Они оба старались делать вид, что недолюбливают друг друга, но не проявляли агрессии. Павлин, зараза, всегда пытался отрыть нору и вылезть перед носом собаки, и особо радовался, если это происходило незаметно, ему нравилось пугать нового жильца пещеры. Я

завидовал охотнику, у него всегда рядом был друг. Теперь и у меня появился сопровождающий. Собаке нравилось ходить с нами на рыбалку, всегда ей доставалась первая свежая рыба, она сопровождала Лию в походе за лекарственными травами, и помогала находить ей новые заросли. Для этого мира она была довольно разумна. Правда дружба тянулась недолго, собака оценилась недалеко от пещеры, ночью, и пропала, оставив после себя двух щенков. Не знаю, может вернулась в стаю, или её утащили ночные монстры, привлечённые родовой кровью и обессиленное животное не смогло дать достойный отпор. Щенков случайно нашла Лия, говорила, что рядом не было следов битвы. Собаки не стало, взамен себя она оставила два слепых комочка. Охотник научил Лию, как за ними ухаживать, чтобы они выжили, Павлин привязался к ним и был щенкам за отца и за мать. Пещера наполнилась новыми незнакомыми звуками, щенки постоянно плакали, чувствовалось отсутствие матери, Павлин, как мог, пытался отвлечь их, но холодное грубое тело ящерицы не давало материнского тепла. Лия пыталась их накормить смесью крови с какими-то лёгкими кашицами по охотничьему рецепту. Насытившись, щенки засыпали, прижавшись друг к другу, возле камина. В пещере, опять, ненадолго воцарилась тишина. Картина о соседях, окружающих наш дом, была бы не полной, если бы я не упомянул Птица. Птиц нашёл себе дупло на высоком дереве, в нём и свил гнездо. Он появился совсем маленький, только начинал летать, его сбили мальчишки из дикарей, томагавком. Птиц упал возле кустарника, за которым сидел охотник. Птиц спугнул дичь, молодой олень, услышав шорох в кустах, в два прыжка, оказался в зоне невидимости, растаяв в лесной чаще. – Сорвалась охота, – пробурчал Горд, поднял птенца и пошёл домой. Сига прикрикнула на детвору, видевшую в раненой птице игрушку. Старшую девочку послала за Лией. Вдвоём они постарались вылечить птенца. Палка попала по горлу, птенец с трудом глотал измельчённую пищу. Через месяц он ещё не мог летать, боялся, что ли? Но уверенно бегал по пещере. Наверное, из-за раны, птиц на всю жизнь остался немым. Перед тем, как идти на охоту, Горд садил птица на навес над пещерой, всё ждал, когда тот полетит. Только охотник скрывался в деревьях, птиц планировал во двор и бегал за Сигой, выпрашивая еду. Надо отдать должное, что пищу эта несуразная птица брала только из рук жены охотника. В моей мозговой картотеке не было этого вида птиц, по размерам он был похож на пеликана, только без уродливого мешка под клювом. Нет, мы не знали кто он, мы даже не знали, как его назвать, поэтому он был Птиц, просто Птиц. Полетел он неожиданно, за ним погнался мелкий зверёк, похожий на хорька или ласку. Обычно они избегали двор охотника, это была зона Павлина, ящерица наводила страх на всю хищную мелочь в округе. Этот зверёк, наверное, был не местным или чувство голода его погнало на охоту, на столь лёгкую добычу. Птиц испугался, Павлина рядом не было, он мощным клювом оглушил хищника, и несколькими махами крыльев, взвился в небо. С тех пор, он редко спускался во двор, только тогда, когда пересыхали горные ручьи, а из реки воду было опасно пить. Сига никогда не убирала его поилку. Это единственный из соседей, который не нарушал наш привычный ритм жизни – не криком, не шумом. Охотник говорил, что от птицы тоже польза есть. Он дважды предупреждал Горда о засаде хищников, это когда не он, а на него охотились. Птиц набирал в клюв булжники и метал их с высоты, с точностью дикаря, охотящегося с пращей. Льву он умудрился набить большую шишку, что родная львица не узнала рогатого муженька, гнала его от семьи. А Питон, так и не поднялся из засады, камень перебил ему шею. К сожалению, пары у птицы не было, он скучал, поэтому был привязан к нашим семьям и сопровождал нас повсюду. Куда бы кто не шёл, птиц всегда был над головой, он привык к нашему режиму – ел, когда мы едим, спал, когда мы спим, он был независим этот птиц, не реагировал на наши сигналы, и только Сига его могла позвать, чтобы немного поиграть с ним, потормозить его оперенье и смыть тёплой водой прилипшую грязь, немного он ещё доверял Лие, давая обследовать его и залечивать небольшие ранки, полученные в охоте на всевозможную живность. Грубое оперенье ему служило надёжной бронёй против грызунов, но и в броне, иногда, бывают прорехи. Мужской пол он просто игнорировал, смотря на меня

и охотника свысока, со стороны философии пернатого – мы были никто, так, приложения для добывания пищи. Детей охотника он, вообще, не любил, старался напугать при любом возможном случае, получал от этого моральное удовлетворение. Эта нелюбовь была у них взаимна, все детские фантазии строились на ущемлении птица любыми способами. Сига только следила за тем, чтобы детвора не взялась за камень или палку, нам ещё войны не хватало. Птиц умел за себя постоять. От диких нас отделял широкий ручей, птиц тоже следил за территорией и не давал им перебраться через водную преграду. Горд рассказывал, как птиц вёл сражение с целым отрядом дикарей, вооружённых луками, пращами, томагавками. Птиц вышел победителем, дикари бежали в ужасе от того камнепада, что им устроил птиц. Они побросали всё: и оружие, и щиты. Птиц гордо вознёсся ввысь, удовлетворённо наблюдая за удирающим противником.

Глава 2

Этот раз художники собирались на Касуто, в яхтовом клубе. Каждые десять лет они встречались, чтобы обсудить проблемы в творчестве, или просто пообщаться в непринуждённой атмосфере. Это был почти закрытый союз, редко какому гению удавалось попасть в их общество. Художники были разные, представляющие различные творческие течения, они являлись выходцами из разных звёздных систем, достойно представляли свои планеты и государства. Этот раз было всё, как обычно, новичков не было, все были друг другу знакомы, если бы не одно, но... В центр специализированной охраны пришло сообщение – открытым текстом: – Сегодня мы убьём... (и было названо имя одного их ведущих художников современности), даже сказано было за что. Пол месяца лучшие умы Касуто ломали головы, рассматривая знаменитую картину художника – «Девушка и яблоко» Она разошлась по рекламным роликам огромными тиражами, её можно было встретить на различных группах товаров. Шантажист, причиной своего дерзкого заявления считал дискриминацию королевы Этлы. Этла была соседствующая с нами планета, в определённые месяца приближалась максимально к Эору и отсвечивала луной в ночное время суток. Даже в горах понижалось давление, близость крупной планеты оказывало влияние на климат. Это был период дождей, непрерывных муссонных ливней, казалось, что все тучи собирались у нас над головами. Даже птиц перебирался в пещеру охотника, ему совсем не нравились молнии, попадающие в одинокое высокое дерево. У меня над кроватью тоже висела эта картина, оставленная роботами в далёком прошлом. Действительно, в ней что-то было притягивающее, любой, зашедший в пещеру, невольно останавливал взгляд на этой репродукции. Конечно, мы не знали ничего о королеве Этлы, и про союз художников, и про чёрные замыслы шантажистов. Но всё же, происшедшие на Касуто события, чирком коснулись нас.

Мероприятие решено было провести на острове, угрозы посчитали фантазией неудачников, все психологи дали отрицательное заключение – на картине не было никакой королевы, а девушка – модель, погибла в авиакатастрофе ещё 10 лет назад. Если честно, это старое полотно примелькалось всем. Девушка, наперегонки с червяком, пытается съесть яблоко. Планету Этлу ещё называют планетой девственниц, не потому, что там нет мужчин, а потому что эту окраинную планету определили под платный обучающий пансионат для дочерей элиты всех созвездий. Мужчин на планету пропускали по спецпропускам, при наличии физиологической несовместимости полов. Художник относился к редкой нации, у них весь процесс происходил иначе, он был двуполом. Организаторы встречи художников решили усилить охрану. Шантажист не шутил. Как только на ковровой дорожке стали появляться художники, охранник открыл стрельбу на поражение, снайперы с опозданием нейтрализовали его. Потом произошло то, непонятно что – охранники стали стрелять друг в друга и в художников, не успевших спрятаться. Это было необъяснимо. Роботы, с трудом, прекратили эту бойню. Погибло очень

много народа, как из охраны, так и из творческой интеллигенции. Два планетных морга были завалены. Правительство Касуто, не успевало отвечать на ноты протеста, началось предварительное следствие. Это была тяжёлая ночь для организованной следственной комиссии. Когда движение в моргах прекратилось, и остались только патологоанатомы, привыкшие ко всему и никогда не трезвеющий обслуживающий персонал, началось самое страшное – из одного морга вылез зомби и пошёл в атаку на другой морг, его никто и ничто не могло остановить, служащие обеих моргов разбежались, только один не успел – он прикинулся покойником, нацепив себе бирку на палец правой ноги. По его показаниям следователи и записали последующие события: Зомби достал из кармана пустой спичечный коробок, прошёл вдоль трупов охранников, из уха которых вылезали черви. Зомби собрал всех червей, их было пять коробок. Последний червяк вылез из самого зомби. Коробки закрылись, превратились в маленькие космические аппараты и покинули морг, а затем и планету. Следователи записали этот бред, посчитав, что у служащего началась белая горячка. Через день сотрудник морга ничего не помнил. Этляне провели безупречную операцию. Королевой аборигенов Этлы была не девочка, а червяк на яблоке. Кто-то спутал навигацию «героев», и этляне приземлились на планете ужаса – в наших горах, топливо кончилось, диверсантов, наверное, съели кроты, а корабли остались на поверхности наших гор, как напоминание – цивилизация ведь рядом, только руку протяни. Наша местность ограничивалась тремя горами, их было видно со всех сторон, каждую из гор можно было обойти за большой промежуток времени, мы с охотником не раз предпринимали попытки обследования местности, всё – таки интересно, а что там за горами, но каждый раз возвращались в свои пещеры, встретив непреодолимую преграду. Больше всех, мы изучили ту гору, у подножья которой живём: выше нас был лагерь крылатых обезьян, выше них пытался попасть охотник с Павлином. Обезьяны его не тронули, только сопровождали, негласно. Там за лагерьем светилась какая-то пирамида, охотник утверждает, что она из стекла. Но какая-то сила не даёт подниматься выше лагеря обезьян, в душе появляется такой страх, Павлин давно смылся, а обезьяны, испуганно выглядывали из-за скалы. Охотник не в первый раз пытался переступить барьер, но безуспешно, это было сверх его возможностей, преодолеть дикий ужас, вбитый в разум было невозможно. После сеанса дождей, начиналось затишье, как будто и не было бурь с громом и молниями, земля, насыщенная водой, на пару дней превращалась в кашу, местами. Менялось направление ветра, доносился до нас запах преющих водорослей, за горами было море, может нам просто хотелось так, чтобы там было море, чайки, песок. Я никогда раньше не видел моря, в крайнем случае – на этой планете. Лиля иногда находила ракушки, значит горы не вечные, здесь тоже когда-то было море. Ах, если бы птиц умел говорить, а так – мы не прекращали попыток найти проход в горах, если наверх нельзя, значит в обход. Суток нам явно маловато было, а оставаться на ночь в горах – страшновато, да и жёны не пускали. Но любопытство перебороло страх, и мы с охотником и Павлином, тайком от всех приготовились и пошли. Шли до тех пор, пока не начало темнеть и впереди перед нами стали падать камни – это птиц предупредил нас о опасности. Мы свернули, чтобы найти место для лагеря. Охотник выпустил ящерицу, приказав охранять территорию. Буквально через несколько секунд Павлин ужинал пойманной змеей, зрелище не лицеприятное, скажу я вам. Пока охотник устанавливал палатку (это был церемониал, он никому не доверял вмешиваться в этот процесс, всё было отточено до совершенства – каждое движение, каждый колышек, каждая завязка. Палатка была изготовлена из особой кожи дракона, которую не могла прогрызть даже горная мышь, вход был герметичен – ни щели, ни малейшего отверстия.), я занялся установкой всевозможных ловушек для ядовитой мелочи, кишасей в этом месте. И если бы не Павлин, то эта мелочь скорее сожрала меня, Павлин, неустанно, следил за каждым нашим движением и успел предупредить бросок крысы, похожей на опоссума, по резкому потемнению его гребня, я понял, что он спас мою жизнь. Охотник отстранил меня от всех занятий, сославшись, что он перед моей женой в ответе, а я – тюфяк, с которым по горам ходить опасно. Мы забрались в палатку, Горд сразу

уснул, у него была совершенна нервная система, а я всё крутился, ворочался, мне всё казалось, что по мне кто-то ползает, пытается залезть под мышку. Я совсем забыл про Павлина, и когда его охотник в палатку затащил. За стенами палатки иногда стоял шум и было слышно, как кто-то кого-то глотал, жевал и изрыгал. Шла постоянная возня – привычная ночная жизнь, а темень в горах была такая, хоть глаз выколи. Утром меня Горд еле добудился. Павлин уже был снаружи – завтракал. Охотник напустился на меня: – Зачем ты вчера змеиных ловушек наделал? Теперь посмотри. Напротив, палаток лежало несколько длинных мешков – это были непонятного вида рептилии, питающиеся змеями, я для них ресторан устроил, Павлин осторожно перемещался между ними, он этих толстых страшилищ тоже впервые видел. Птиц сидел в двадцати метрах на белом камне, тоже завтракал очередным горным чудовищем, похожим на двулапного крокодила (где-то я уже таких видел: передние лапы были короткими, недоразвитыми, а задние мощными и быстрыми). Горд успел собрать палатку и заварить нам чай в котле. Это и был наш завтрак, охотник придерживался мнения, что с утра, организм перегружать нельзя. – Нет, я не против, если проголодался, то обращайся к птице – она поделится. Я запустил в Горда сухой веткой, Павлин не умел рычать, но проявил недовольство нашими действиями. Мы пошли дальше. Птиц прекратил трапезу и взлетел к облакам. Небесный страж чувствовал ответственность за наши жизни. За этими горами были следующие, со своим набором опасностей, плохо было, что, чем глубже в горы, тем более организованнее были хищники, они группировались в стаи и тяжелее было отражать их атаки. Если бы не птиц, то этот поход в горы был бы последним в нашей жизни, мы не успевали перезаряжать луки, Павлин не мог угнаться за атакующей стаей очередных монстров, тело которых, зачастую, было покрыто бронёй. Птиц умудрялся устраивать целый камнепад и небольшие острые, но тяжёлые камешки поражали головы и броню хищников. Мы шли уже четвёртые сутки, до моря было далеко, я уже не уверен, а было ли оно, вообще, это море. Прошли мы всего три горы вглубь горного массива, а дальше охотник показал мне на небо. Я поднял глаза, птица не было, это было настолько странным. Вместо него в небе парили какие-то чёрные живые дельтапланы, снизу были видны только контура. Я представляю, как они выглядели вблизи, если смогли напугать птица. Птиц появился вскоре перед нами, он был немой, но пытался предупредить нас, не пуская дальше на тропу. Горд сделал отмашку, и я застыл, он прокрался мимо птица, влез на высокую скалу. Дальше была большая и глубокая пропасть, по её дну бежала широкая быстрая горная река. Противоположный берег был скрыт туманом, доносились ужасающие крики. Я никогда не слышал таких, даже совсем не хотелось видеть животных, которым они принадлежат. Я тоже приблизился к охотнику, мы поняли, что это и есть край нашей земли, дальше, почему-то идти не хотелось, упирались все: и птиц, и павлин, а охотник – как все. Мне показалось, что из тумана противоположного берега выглянула голова бройлера, по её размерам в этой курочке было не менее пятидесяти тонн, до этого я крылатых слонов считал самыми большими животными, а из птиц, на родине охотника водились страусы, они были дики и огромны, плохо поддавались приручению, так вот в них было около тонны чистого мяса. Мы так вымотались, что уже были довольны этой бездонной пропасти. Путь назад, тоже не обошёлся без приключений, птиц боялся подыматься в небо, пришлось мне его нести на руках. Только на третий день пути он вспомнил, что он всё же из летающих, а не приложение к рюкзаку. Вечером на нашу палатку было совершено нападение, мы были внутри, когда что-то тяжёлое стало биться сверху палатки, Павлина вмиг, как рукой смыло, я ещё никогда не видел, чтоб он чего-то боялся, Павлин был в ужасе, он старался спрятать свой сверкающий гребень, засунул голову в рюкзак, он что –то видел и слышал то, что находилось за пределом нашего восприятия. Охотник тоже забеспокоился, придвинув к себе всё имеющееся в наличие оружие. Нападавшие не стремились к нам в палатку, они сделали из неё батут, прыгали и катались, развлечение было такое у неизвестных. Я рад был за то, что, установленная по всем охотничьим правилам палатка выдержала это нападение. С наступлением темноты, агрессивность нападавших уменьшилась, а потом, вообще, воцарилась тишина.

Мне думалось, что нападающих привёл блеск палатки, от скользящих лучей уходящей звезды. Павлин вытащил голову из рюкзака, гребень опять засиял всеми цветами радуги. Утром охотник показал двух вчерашних визитёров, это была неизвестная порода летучих мышей, они насколько были сухи и обескровлены, что ночной живности нечего было есть. Видимо их птиц успел подбить вечером. Внешний вид этих страшилищ напоминал скелеты дикарей, обтянутые кожей, ужасные хищные морды с торчащими боковыми клыками, не добавляли им симпатии, Лапы на руках и ногах, тоже были вооружены смертоносными когтями, между лапами была натянута бархатная тёмно-серебристая кожаная плёнка, это и был главный летательный аппарат этих созданий. Судя по реакции павлина, эти мыши питались змеями, ящерицами и прочей мелочью, которой было здесь в изобилии. Павлин шипел и старался быть к нам поближе, и чем дальше мы уходили от гнездовья этих убийц ящериц, тем больше он веселел, а увидев наши пещеры и птица, сидевшего на ветке, перед входом в моё жильё, он бросил нас и затанцевал, он радовался, что вернулся живым после этого бестолкового и опасного похода. От жён мы конечно выхватили, целых семь дней они собирались в пещере охотника и по ночам дежурили по очереди. Страшно без мужиков было, совсем никакой защиты не оставили, успокоились только тогда, когда увидели птица. Даже щенки в этот период меньше скулили, как будто понимали, что нельзя привлекать внимание недоброжелателей. Сига, перед входом в пещеру, разжигала огонь, какая ни есть, а защита. Огня боятся все, особо крылатые слоны. Когда буря их обид прошла над нашими головами, они, вместе с детьми, просили рассказать всё о нашем путешествии. Из охотника рассказчик был лучший, он и захватил инициативу, в самых страшных местах рассказа, с помощью нестандартных испугов, создавал кульминационный момент, заканчивающийся писками и криками слушателей. Он мог так точно изобразить любое чудовище, действия павлина и птица, что даже я, из участника похода, превращался в слушателя, и когда Горд изобразил летучую мышь, чуть с криками не убежал из пещеры, вслед за трусливыми женщинами и детьми. Это был наш спектакль, мы были и актёрами, и зрителями. Так и коротали наш час по вечерам, а дети играли в путешествия и вампиров. Все хотели быть путешественниками, вампиром быть соглашался один Павлин, но этого было достаточно. Планета изменяла свой наклон по отношению к греющей звезде, падала температура, росли белые шапки на вершинах гор, деревья и кустарники сбрасывали свой наряд. Прятались змеи и ящерицы, в реках и ручьях становилось воды меньше, рыба шла на нерест, минуя ловушки диких. Это было время запасов, мы и пропадали на реках, набивая ёмкости жирной икряной рыбой. У нас в горах было много конкурентов из зверья, они не трогали нас, мы не нарушали их границ, некогда воевать было, нерест проходил за 40 дней, а потом реки мелели, по берегам оставалась мёртвая, отметававшая икру рыба, в которой заводились различные черви, они и съедали её, издали казалось, что берега шевелятся и рыба живая, но потом оставались одни кости, которые рассыпались в порошок от пересыхания. И так было из года в год. Охотник знал место, где была каменная соль, он бросал куски в костёр, потом варил в воде, измельчая её до порошкообразного уровня. Рыбу мы солили. После нереста Павлин пропал, а вскоре и птиц, сделав прощальный круг, улетел в сторону родины охотника. Совсем скучно стало в нашем поселении, у щенков скоро откроются глаза, они были такие маленькие и потешные, искали Павлина, но ящерицы не было, убежал гад, наверное, побоялся ответственности. Лия говорила, что у них улучшился аппетит и она каши разбавляет остывшим мясным бульоном. – Вспомнил, точно, вспомнил. Это случилось в тот день, когда у щенков открылись глаза, ближе к вечеру. На улице было свежо и Лия растопила камин, последние лучи звезды пробежали по стенам пещеры, тепло от камина медленно проникало во все уголки жилища. Маленькие теплолюбивые комочки, скуля перекатились на свои травяные подстилки перед очагом. Я что-то делал во дворе и пропустил тот момент, когда грянул гром. Первыми, во всю прыть выскочили щенки, не научившиеся ещё толком ползать, с криком: Ай – ай – ай, потом вылетела жена, я всегда подозревал, что у неё были колдовские способности, и лишь потом из входа в пещеру

появился столб дыма и пламени. – Там кто-то есть, – завопила Лия. Я от неожиданности свалился на землю: – Где? – Там, в камине, кто-то шевелится, страшный, красный, с глазами, как у жабы. – Из пещеры раздался голос: – Сама ты жаба. Мы убежали к охотнику, вместе с прозревшими щенками. Они вмиг стали не только видеть, но и бегать, можно считать, что детство у малых закончилось.

Глава 3

Мы хотели спрятаться, но подчинились дьявольскому приказу существа, которое вылезло из нашей пещеры, мы сами, против своей воли, шаг за шагом приближались к этому монстру. Таких существ не бывает в природе, вернее не должно было быть. У нашей пещеры нас встречал столб чёрного дыма и пламени, с явно обозначенным туловищем и руками, у монстра была голова, а ног не было видно за дымом, он висел в воздухе, наслаждаясь своим могуществом. Мы перед ним были мелкими, как муравьи. – Мы не вызывали тебя, Джинн. Лия узнала страшное лицо. А я, голову на отсечение отдаю, что прежде подобного монстра не встречал. – Не узнаёшь меня, Дэн? – Я не Дэн. Я не знаю, кто я. Джинн усмехнулся: – Я, сам и стёр вашу память. Еле нашёл вас на этой планете. Но, некогда, за мной погоня. Я вам оставлю самое дорогое, что у меня есть. Лия принесла мобильники, они были давно разряжены и отдала Джинну, эти мыльницы, были последним, что нас связывало с прошлыми жизнями, по их следу Джинн и нашёл нас. Монстр на наших глазах сжёг мобильники в руке, разбросав пепел по ветру. – Мне некогда объяснять. И Джинн стрелой взвился в небо, оставляя после себя чёрный ракетный след. Мы ничего не поняли, ещё меньше понял охотник с женой, выглядывающий тайком из-за камня. Охотник подошёл: – Кто это был? Лия ответила. – А, что хотел? Мы пожали плечами, и не уходили в пещеру, пока не рассосался дым от следа полёта этого Джинна. В пещере всё было на месте, только пахло сильно серой и дымом. Лия стала проветривать жильё. Я никогда не ожидал, что через трубу горящего камина, кто-то может проникнуть в наш дом. И вот! Это непонятное приключение оставило больше вопросов, чем ответов, а действительно, чего хотел этот Джинн. Я спросил жену, откуда она знает эту нечисть? Но Лия или действительно не знала, или мастерски скрывала своё знакомство. Тогда я окончательно убедился, что моя жена из ведьм. Эта ночь не дала развить мои фантазии, эта ночь была самой кошмарной за последний осмысленный промежуток жизни. Среди ночи мы проснулись от детского плача, ребёнок горел в камине и заходился в агонии. Я, едва успел его выдернуть из огня, получив ожог. Лия наложила компресс. Ребёнок заулыбался. Мы разобрались – это было дитя джинна, не знаю, кто его мать, но он очень был похож на детей охотника, только со всеми свойствами Джинна. Он совсем не боялся огня, огонь был его стихией. На том месте кровати, куда положила Лия ребёнка, выгорела шкура, заменяющая нам простыню. Лию это дитё монстра не обожгло, ему нравилось пугать меня, он смеялся и радовался каждой своей победе. Честно, я поначалу, возненавидел этого пришельца. Всё образовалось потом, когда я смеялся, а он старался убежать. А вначале всё было мрачно, Лие, наоборот, нравилось появление ребёнка, у нас не было детей, жизнь казалась пустой не содержательной, бессмысленной что ли. Она даже воспрянула и грудью защищала малыша. Сначала пришла в гости Сига, меня нагнали и началось чисто женское совещание. Горд появился позже, я похвалился полученным ночью ожогом, и пополнением в семействе при довольно странных обстоятельствах. Щенки появились на третий день, но поначалу боялись подходить к ребёнку, больше крутились на улице, под нашими ногами. Охотник, из глины, вылепил колыбель для малого, похожую больше на корыто. За время взросления, колыбель стала фаянсовой, от температуры, создаваемой малышом. Камин в пещере уже не был нужен, ребёнок согревал её своим телом. Щенков он не обижал, наоборот любил с ними играть, они поняли это и передвинули свои лёжки, поближе к колыбели. На вид ребёнку было полгода, Лия нащупала у него первые два зуба. Мне пришлось копать резиновые корни, они не

были горькие, в отличие от тех сухих кустарников, из которых они вырастают. Только Джинн их съедал с аппетитом, он был всеяден, ел всё, и чем старше становился, тем его рацион был разнообразнее и больше. Мы с охотником кормили его до 5 лет, а дальше джинн стал охотиться сам. Но хотелось бы подробнее остановиться на этапе формирования этого ребёнка, именно до 5 лет, когда он открывал для себя что-то новое в способностях собственного организма, период адаптации к окружающему миру и к его жителям, что он был не из нашей вселенной, это и дураку понятно, вопрос стоял в другом – сможет ли он выжить в нашем мире, найти друзей, какие-то взаимные интересы. Это как раз и было на периоде становления – именно, до 5 лет. Для нас, он всю жизнь оставался неожиданной находкой, Лия его считала сыном и до последнего, боялась, что придёт Джинн и заберёт своего наследника. Так, для нас, на всю жизнь осталось тайной – зачем приходил Джинн, и что случилось в его мире, что ему пришлось обратиться к нам. Лия назвала малыша – загадка, на эорийском это красивей звучит, Тэо. Тэо был общительным мальчиком, он старался не причинять боль своим друзьям, а в друзьях у него, кроме детей охотника, была вся округа. Его постоянно кто-то окружал, щенки и выросли у его колыбели, вымастились, стали симпатичными и совсем не злыми. Мы не знаем, кто был отцом у этой пары игрушек для Тэо, но что породой они пошли не в мать – это точно, они были более домашними, что ли, не было в них той свирепости и дикости. Может это нам только казалось? Они выросли на наших глазах. Стараниями наших женщин и Тэо рос не агрессивным, иногда, как и каждого ребёнка, его заносило, он мог набезобразничать, покапризничать. За мелкие проделки его Лия ставила в угол, а за более крупные пакости он получал розги, Лие даже больше доставалось. Она защищала ребёнка, говорила – перерастёт. Свежие розги каждую неделю вырезал охотник из ветвей дерева, пьющего воду из реки. Ещё Тэо боялся мягкой травы, дающей оранжевый сок, и вообще, он воды боялся. Когда Тэо уже был достаточно взрослым, чтобы покинуть наш дом и создать свою семью, я невольно возвращался в своих воспоминаниях, к тому времени, когда он учился ползать, делать первые шаги и выговаривать первые слова.

Первым вернулся Птиц, я даже не знаю сколько времени прошло. Проснулся от того, что кто-то во дворе стучит, и стоял такой галдёж, что – мама не горюй! Во дворе никого не было, а стучали на высоком дереве, оно одно было в нашей округе, птиц пристраивал три гнезда, сплетая их из глины и травы. Меня он не замечал, некогда было вниз посмотреть за работой. Рядом с ним галдели и пытались помочь три взрослых птенца, они больше мешали отцу, задевая и роняя, уже готовые фрагменты гнезда. Птиц терпеливо продолжал работу, обучая подрастающее поколение. Самку я не видел. Птиц был немым, мы бы и так не догадались о его семейной трагедии, но к потомству он относился очень бережно. Лия, ещё затемно, пошла собирать лекарственные травы, птиц полетел её встречать к оврагу, ему с высока видно было, как Лия возвращается. Жена мне потом рассказала: – Сколько радости было! Все наши животные любили Лию, собаки её сопровождали во всех походах. На меня это пернатое даже не обратило внимания и старалось не спускаться в нашу пещеру, охотник говорил, что он и к ним не ходок. Зато голосистые птенцы перезнакомились со всеми соседями, таскали собак за уши, устраивали перегонки; птиц гордо наблюдал за детьми с верха, но их никто не обижал и вмешательства старших не требовалось. Тэо уже начал ходить, и я частенько видел, как он переговаривался с птенцами, создавалось такое впечатление, что маленький джинн знает язык птиц. На нашей планете создан свой диалект эорийского языка, который мы применяли в межплеменном общении, в нашем ареале. На нем мы разговаривали с семьёй охотника, при необходимости, могли общаться с дикарями, и летающие обезьяны понимали нас, птицы тоже понимали нас, а мы их нет. Тэо только начинал осваивать наш язык, птичий он освоил быстрее. Птенцы были его ближайшие друзья, как и собаки. Дети охотника были старше, но они быстро оценили дружбу с Тэо, и привлекали его для участия в любых проделках. Тэо не было ещё пяти лет, когда старшие сагитировали его кататься на летучих обезьянах. Они тайком

забирались в лагерь, прятались на тропе перед пропастью, и хватали перепуганных приматов за лапы. Кто был постарше и потяжелей, так сразу двух. Они умудрялись на обезьянах спланировать почти в наш лагерь, а завтра начиналась новая охота. Этот природный фуникулёр, чуть не привёл к международному скандалу, крылатые обезьяны уже были готовы покинуть место своего обитания из –за этого хамства, пока вожак племени не рискнул встретиться с охотником. Охотник наказал своих, чтобы отвадить от полётов, лететь конечно было хорошо, но розги их быстро приземлили, они перестали досаждать обезьянам. Вожак жаловался на маленького Тэо, охотник предупредил Лию, но она промолчала: ей всё казалось, что кто-то наговаривает на малыша, обижает ребёнка. Её «вырастет – перерастёт» было железным правилом в воспитательном процессе. Зная мой крутой нрав, охотник ничего мне не сказал, а вожаку летучих обезьян выдал тайну джина, что он очень боится воды. Теперь обезьяны перед полётом мыли ноги. Двух попыток покататься для Тэо хватило, вода на маленького Джина, действовала, как на нас огонь. Я наблюдал за ребёнком, с его организмом происходила постоянная трансформация, он рождённый органическим существом, всё больше и больше набирал свойств отца. К пяти годам органической дичи уже не хватало для поддержания организма, он научился подпитываться от солнца. Молодой организм рос небывалыми темпами, к пяти годам, Тэо выглядел, как десятилетний ребёнок. Он совсем перестал употреблять жидкость, мясо ел сухим или копчёным. Горд несколько раз его видел в расщелине, откуда, временами, льётся магма. Горы были молодыми, и нас частенько трусил. В слабых местах появлялись трещины, которые наполнялись раскалёнными соками земли. Но не это удивило охотника, его удивило то, что Тэо купался в магме, нырял и плавал, и получал неопишное наслаждение. Потом отряхивался, остывал, и вновь превращался в пятилетнего мальчугана. К пяти годам трансформация почти закончилась. До совершеннолетия Тэо набирал силу, только кто знает, когда это совершеннолетие у Джиннов. С каждым годом у него явно проступали свойства, не присущие нам, мы не боялись, мы привыкли, он рос – менялся, а для нас с Лией он всегда оставался маленьким.

До десяти лет мальчик рос управляемый, иногда выгребал за мелкие проказы, но из соседей никто не обижался. – Ты про школу забыл, – напомнила мне Лия. – Ах, да, немного перескочил события. Дети охотника были постарше нашего Тэо, и чтоб не проказничали, не придумывали всевозможные пакости, родители их решили увлечь. Сига с Лией посоветовались и решили устроить школу: чтобы все дети были под присмотром и передать им знания, которые мы имеем. В это дело они и нас с охотником привлекли. Горд сразу выбрал для себя основной предмет – географию. Учебников у нас никаких не было, поэтому мы старались рассказывать о том, что знали и умели делать своими руками. Тэо в то время было чуть больше 5 лет, он тоже присутствовал на уроке, куда его денешь. Сига мелом на плоском большом камне рисовала буквы, это был придуманный алфавит эорийского языка, рисовала и картинки, чтобы дети поняли, что дерево, начинается с буквы «Д», а Птица – с буквы «П». Детям так понравилось. На следующий день вся окрестность знала, что у нас открылась школа. От дикарей пришли сразу вождь и новый колдун племени. Старого они съели за какие-то грехи. – Муж, не называй туземцев дикарями, ты же не любишь, когда я тебя Дэном называю, – вот, уж послал мне космос жену. Эти туземцы договор вели с женщинами, в основном молодой колдун участвовал в переговорном процессе. Лия говорит: – Наконец толковый малый появился в их племени. Наверное, пришло время начала цивилизации, когда в руководство дикими массами стали привлекать не сильных, а умных. Лия опять сморщилась, она мне не раз напомнила, что охотник с женой, тоже появились из такого же племени, только они жили в другом месте – на равнине. Туземцы направили пятерых, самых смыслёных из детей, среди них было две девочки. Что выторговали наши жёны – это был секрет, сказали – выгорит, поделится добычей. Учение чередовалось с отдыхом, детям нравились перемены, они с обрезков шкур соорудили мяч, и во дворе пыль столбом стояла. Мы с Гордом и собаками занимались охотой, нас уже

сопровождал не птиц, а целая стая повзрослевших птенцов, они могли и криком предупредить об опасности. Старый птиц сидел на нижней ветке дерева и следил за играющей детворой. На второй день спустился вожак летающих обезьян, он мог общаться только с охотником, его речь больше состояла из жестов, немного он рисовал палкой на песке. Вожак обезьян предложил двоих своих наблюдателей, из молодёжи, на уроках, Горд, посоветовавшись с женщинами, сказал ему о условиях договора. Вожак согласился. Класс вырос до десяти человек, не считая Тэо. Маленьких в школу не принимали, поэтому Тэо и меньшие дети охотника не считались учениками. Вот такой у нас получился интернациональный класс. Занятия начинались рано, первыми прилетали две самочки-обезьянки, потом появлялись туземцы, дети охотника, на правах близко живущих, постоянно опаздывали на урок, приходили вместе с учителем. Мел приносили туземцы, они жили ближе к долине, там проще было найти меловые камни. Моё дело было распилить его на мелкие кусочки. Каменную доску вытирали обезьянки, им нравилось быть дежурными по классу. Охотник из бамбука сделал всем стулья, персональные. Обезьянкам тяжелее всего было учиться, они на нашем языке говорить не умели и поначалу ничего не понимали на уроке. С ними, индивидуально, занималась Лия, после уроков. У обезьянок была плохая память, но как только они подключили «запоминалки», стало легче. «Запоминалки» – это попугаи такие говорящие. Они могли целый урок запомнить и повторяли его целый день – невпопад. Через, месяца три, эти наблюдатели от обезьян, с успехом могли работать профессиональными переводчиками в племени, а вожаку больше ничего и не нужно было. Девочки из обезьян, у нас учились только две, а уроки повторяли всем племенем, так что обезьяны наполовину, на зорийском заговорили. С туземцами было сложнее, трое ребят успевало, с горем пополам, а двое учиться не хотело, старались сорвать уроки и в племени надсмехались и издевались над троицей успевающих. Лия имела неосторожность пожаловаться мне на них, в присутствии Тэо. Честно, не знаю, что он с ними сделал, эти бездельники три дня не ходили в школу, пока их колдун за уши не притащил. Детей, как подменили, стали вежливыми, услужливыми, и с успеваемостью сдвиги в лучшую сторону пошли. У дикарей были далеко идущие планы. Лия опять наморщилась: – У этих дикарей, как ты говоришь, ковровые дорожки появились, а колдун, швейную машину изобрёл, скоро ткацкий станок заработает, пещера не глиной, а известью побелена, а у тебя штаны с дырой, заплату пришить нечем. Последнюю иголку, из кости рыбы, три года назад видела, уж если и есть дикарь, то это ленивый и глупый Дэн. – Баба, есть баба, мне её в наказание послали. Забыл на чём остановился. Да у дикарей стали появляться интересные вещи, племени нужны были грамотные люди, чтобы вести обмен с другими племенами. Вниз по реке, в долине, жило много народов. Торговать лучше, чем воевать. Наше дело было учить, договора исполнялись всеми сторонами. Мы с Гордом приступили к обучению в сеанс дождей. И первый же вопрос учеников: – Почему идёт дождь, поставил Горда в нелепое положение, он так и не смог начать урок, а Тэо сидел дома, он из-за дождя не пошёл сегодня в класс. Его тоже интересовало: – Почему идёт дождь? Почему течёт река? Откуда берутся родники? Как защититься от воды? Последний вопрос Тэо волновал до самого совершеннолетия. Совершеннолетие у джиннов наступает тогда, когда они узнают тайну воды, и превращают свой страх в энергию атомов, для питания своего организма. До этого периода у Тэо была целая вечность, пока он испуганно слушал шум дождя. Мы пожалели школьников, оставив их ночевать в гостинной пещере, пообещав, как только кончится дождь, отпустить их по домам. Наша пещера, нас встретила сюрпризом – Тэо, как воздушный шар, висел под потолком, он сам не знал, как научился летать, он заикался. А то, что напугало его, торчало из земли – шипело и хрюкало, над поверхностью, время от времени, взымались два природных отточенных жала, а из земли торчали такие знакомые симпатичные рожицы маленьких Павлинов. Павлин был не один, а целым семейством, он никого не нашёл у охотника, решил к нам перебраться, а тут этот – не понятно кто. Я еле успокоил ящерицу, а он свою жену, маленьким Павлинам всё было пофиг, они вылезли из земли и бегали по всей пещере. Самого последнего успокоить удалось джинна.

Он кричал, что эти червяки кусаются больно, я поражаюсь терпению нашего малого, он их мог поджарить враз, с их ядовитыми колючками, но вместо этого испугался и взлетел. Я знал, что джинны летают, но не так рано. Охотник, как только узнал, что Павлин вернулся, сразу забрал всё семейство в свою пещеру, подальше от детей. Пришлось Горду, вместе с Павлином, дрессировать оставшуюся часть семейства. Детвора ещё не имела крепости яда, через два дня бегала по всей округе и не реагировала на школяров, Павлин побежал приветствовать птица, а жену он себе выбрал, точно, как моя: пока её охотник выдрессировал, она все наши семейства перекусила, Лия не успевала противоядия готовить, пока охотник на её жало чехол из кожи не сделал со специальными застёжками, которые расстегнуть невозможно. Поначалу самка реагировала на любое наше движение, а потом заметила, что детворе никто ничего плохого не желает – успокоилась. Я у охотника спросил, а не может ли он такой чехол сделать для языка моей жены? Тот рассмеялся: Боюсь, что мы тогда оба в чехлах, на всю голову, ходить будем.

Глава 4

Самое неприятное для родителей, имеющих сына или дочь – это переходный возраст, особенно у тех детей, которые считают себя ущемлёнными в чём не будь. Нет, с физиологией у Тэо было всё в порядке, он просто не чувствовал, а знал, что он не такой, как все – это его угнетало. У него было много друзей, фактически не было врагов и недоброжелателей, в каждом племени Тэо принимали с уважением, когда он ходил в гости к школьникам. Но сегодня он, не выходя из своего угла, не пожелал идти в школу, не шёл ни на какие уговоры, не обращал внимание на Павлинов, пытающихся его, шутя, вытолкать за дверь. Я, по-отцовски, понял, что это не каприз. Вместо того, чтобы идти на речку за рыбой, пришлось дожидаться конца урока, чтобы переговорить с детьми. Урок вела Лия, у них была арифметика. На доске кто-то сделал надпись: $2+2=6$, только вместо шестёрки было нарисовано два уха, как у крылатых слонов, никто не стирал этот шаловливый ляпис с доски. Лия тоже выглядела расстроенной, её беспокоило поведение сына. Весь разговор занял не более 15 минут, в течении перемены я разобрался с проблемами сына. Мальчик вырос, начал стесняться, особо его доставали эти туземки. Девочки всегда были одеты круче учителей, это было какое-то неправильное племя дикарей – у них был нездоровый культ одежды. Вся жизнь мерилась костюмами. Если девушку выдавали замуж, то не спрашивали, кто её родители и сколь влиятельны её родственники, спрашивали: – сколько у неё костюмов, и чем больше невеста могла предоставить одежды, тем удачливее считался брак. Девчонки смеялись над подростком Тэо. Они не понимали, что на его теле всё стораает вмиг, он не мог прикрыть своего бесстыдства, это и явилось основанием для протеста. Я, честно признаться, не знал, как решить проблему, и когда вернулся в пещеру, застал мальчика плачущим, в окружении сторевших шмоток. Вы знаете, как страшно, когда ребёнок плачет без слёз? Его рыдания разорвали моё сердце, я обнял Тэо и прижал к себе, мальчик едва успел отключить термическое воздействие на живой организм, но почему так с одеждой у него не получается. Я сильно не стал вникать в способности малыша, надо было помочь ему решить проблему, и мы стали думать. Я вспомнил, как его биологический отец впервые предстал перед нами, нет, он не был гол, но то, что можно было посчитать за одежду Джинна, вызывало только страх. Всё его одеяние состояло из огня и дыма, через которое, как в объятиях вуали, проглядывал голый мускулистый торс. Это было страшно, впечатляюще и красиво. Не знаю, может это где-то нужно было, именно, так выглядеть, только не в нашей школе, я бы не хотел Тэо привить дурной вкус к одежде. Пришлось раскрыть кое-какие секреты и рассказать о одеянии джинна, незаметно, малыш вытянул из меня всё, что заложили в мою память учёные о джиннах. Информации, не было много, но Тэо понял основное – что он не урод, не аномалия, в космосе ещё есть такие, как он. Это придало ему дополнительный стимул, и мы начали экспериментировать. Сначала у ребёнка не всё получалось, я помогал развивать ему фантазию. У

джиннов, наверное, у всех – с фантазией сложно: самая первая одежда была похожа на бутылку, непонятного цвета и состава, второй костюм уже больше был похож на масляную лампу дикарей. Через два часа наших стараний, родилось, что-то, типа подгузников, и я сделал перерыв. Малышу приходилось старательно доказывать, что бутылка и лампа, это хорошо, в них хорошо прятаться, но нужно ходить, бегать, просто двигаться, и я почесал за ухом у Тэо. А, представь себе, что ты заявишься в школу в подгузниках. Тэо рассмеялся. Немного отдохнув, мы продолжили. Часов за шесть наших страданий, мы родили то, к чему стремились: это был стильный костюм, серебристо серого цвета, облегающий фигуру юноши. Вместо рубашки, получилась обманка, Тэо мог менять её цвет, создавая разнообразие форм по количеству карманов и покрою. Весь костюм был как живой, переливался на свету и слегка менял объём в пространстве. Тэо, от дикарей, заразился костюмной манией, каждый день придумывал что-то своё и менял костюмы. Но наш первый, выстраданный, костюм, был самым запоминающимся. Зеркал ещё не было, я попросил мальчишку покрутиться. Получилось хорошо. Мама, когда пришла со школы, ахнула. Она не могла глаз отвести от Тэо, он так был красив в этом наряде: – Вот, если бы ещё бабочку ему на рубашку! – Ты бы ещё крылатого слона подцепила! Мы все рассмеялись, Тэо и без бабочек, выглядел красавчиком. На следующий день, в школе был фурор. Женская половина отказывалась адекватно воспринимать занятия. Моя бы воля, я бы девочек учил до 14 лет, а дальше они о другом думают. Тэо чётко следил за рейтингом, и как только костюм приедался, он тут же, что-то менял в его дизайне и всё начиналось сначала. Девочки-туземки на занятия приходили не за знаниями, а, чтобы посмотреть на Тэо. Но, в конце концов, всё утряслось, над нашим сыном никто не смеялся, все привыкли к его переодеваниям, туземцы заменили своих девочек другими учениками, посчитали образование для них достаточным, и выдали замуж за сыновей влиятельных людей соседних племён. Политика всегда стояла выше образования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.